

8. Положение белорусских театров по ту сторону фронта // Новый путь. – 1943. – 5 сентября.
9. Партызаны, геройства ці бандытызм // Беларуская старонка. – 1942. – 27 ліпеня.
10. Боевой путь – 1943. – 9 октября.

Гребень Е.А.

АЛКОГОЛЬ В ЖИЗНИ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА В ПЕРИОД НАЦИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ

Во время нацистской оккупации Беларуси гражданское население лишь в исключительных случаях могло легально приобретать алкогольную продукцию. Продажа спиртного в коммерческих столовых и закусочных практиковалась редко. Изредка спирт мог выдаваться крестьянам в качестве премии за сдачу ценной продукции. Например, Мядельская волостная управа обещала жителям волости спирт или водку за сдачу картофеля [1, л. 123 об.]. Незначительное число граждан могло обращаться в немецкие структуры с просьбами о выдаче спирта. В апреле 1942 г. староста общины Яновичи Грицевичской волости Клецкого района обратился к немецкому сельскохозяйственному коменданту с просьбой продать ему спирт, необходимый для празднования свадьбы сына, работавшего в полиции. Комендант санкционировал выдачу 5 литров спирта [2, л. 44]. Ранее сюда же обращался настоятель Клецкой Воскресенской церкви, просивший отпустить 6 литров спирта на крещение своего ребенка; комендант санкционировал выдачу 2 литров [3, л. 78]. Однако получать алкоголь могли лишь сотрудники коллаборационной администрации, что вынуждало гражданское население, невзирая на запреты, заниматься самогонованием.

Результатом отсутствия в свободной продаже спиртного стало увеличение масштабов самогонования, попустительство со стороны многих сотрудников вспомогательной администрации и полиции. В протоколе совещания старост Щапицкой волости Клецкого района от 12.02.1943 г. отмечалось, что у населения сложился стереотип, что за самогонку староста может решить любую проблему [4, л. 11]. Увольнения за систематическое пьянство сотрудников администрации в различных регионах оккупированной Беларуси были обычным явлением. Несвижская городская управа сообщала районной управе 13.02.1943 г., что начальник продовольственного отдела 6 дней пьянствует и не является на работу [5, л. 7]. 2.06.1943 г. по той же причине были уволены секретарь и бургомистр Александровской волости Городокского района. Фельдкомендатура потребовала от городской управы оповестить всех сотрудников о недопустимости такого поведения, и рекомендовала штрафовать провинившихся и отправлять в трудовой лагерь [6, л. 9]. 27.03.1944 г. был отстранен от должности за систематическое пьянство староста дер. Городищина Краснопольской волости Могил-

левского района [7, л. 64]. Зачастую пьянство происходило прямо на рабочем месте. Например, заместитель начальника Несвижского района 28.12.1942 г. зашел в помещение Карцевичской волостной управы, где застал секретаря и сотрудника управы сильно пьяными, которые бурно отреагировали на замечание начальства [8, л. 39, 39 об.].

Как и гражданское население, сотрудники белорусской полиции получали алкоголь в исключительных случаях. Например, в феврале 1943 г. 20 полицейских Новосельской волости Сенненского района получили по 300 гр. немецкой водки, по 150 гр. конька или рома и по 250 гр. красного ягодного вина [9, л. 77]. Естественно, что крайне не регулярная выдача спиртного стимулировала сотрудников коллаборационной администрации, в том числе и полицейских, к поиску и вымогательству самогона у гражданского населения. Помимо конфискаций, сотрудники коллаборационной администрации могли продавать казенное имущество, чтобы приобрести алкоголь. В марте 1942 г. при отправке скота из Сенно сопровождавший его полицейский продал 8 голов за водку [10, л. 70].

Несмотря на суровые запреты оккупационных властей, самогоноварение было распространенным явлением. Относительно данного правонарушения немецкая и вспомогательная администрация на протяжении трех лет оккупации издавали массу распоряжений и запретов, содержащих угрозу сурового наказания (вплоть до расстрела), но не имевших ровно никакого результата. Запрет производства алкоголя гражданами объясняется, с одной стороны, монопольным правом государства на данный вид продукции, во-вторых, самогон изготавливался из зерна, ставшего для Германии в условиях войны стратегическим продуктом. На оккупированных территориях даже часть сельского населения, не говоря уже о горожанах, испытывала дефицит продовольствия, а самогонщики, по мнению властей, лишь увеличивали дефицит зерна. В распоряжении о борьбе с самогоноварением начальника Борисовского района от 26.09.1942 . особо подчеркивается, что особенно вредным является самогоноварение из зерновых культур 11, л. 162]. Активизация самогоноварения происходила после сбора очередного урожая, и местная администрация оперативно реагировала на участвовавшие случаи самогоноварения очередным устрашающим распоряжением.

22.02.1944 г. был издан приказ № 138 по Осиповичскому районному управлению, в котором констатировался значительный размер самогоноварения в районе. Содержание приказа 1944 г. практически идентично аналогичным распоряжениям немецких комендатур и органов местной администрации предыдущих лет оккупации, как будто подобное распоряжение вышло впервые. Как и ранее, от подчиненных структур начальник района требовал прекратить масштабное самогоноварение лицами, не имеющими специального разрешения на производство алкоголя, констатируется использование для этих целей зерна и картофеля в условиях дефицита продуктов питания. Волостные бургомистры Осиповичского района обязыва-

лись ежедекадно доносить начальнику района о принимаемых мерах [12, л. 128]. 24.02.1942 г. было опубликовано объявление аналогичного приказа содержания, адресованное населению Осиповичского района. Помимо абстрактных угроз наказания в нем содержалось обещание конфисковать все запасы зерна и картофеля в случае обнаружения самогонварения. Перспектива остаться без основных продуктов питания должна была, по мнению районной администрации, принудить население к исполнению распоряжения [12, л. 127]. Анализ аналогичных распоряжений из различных регионов Беларуси иллюстрирует поиск оккупационными властями эффективного средства устрашения самогонщиков. Комендант местечка Корма в своем приказе о запрещении самогонкурения от 12.01.1942 г. констатировал изготовление самогона в больших масштабах и грозил наказанием в виде расстрела [13, л. 3]. Запрещающие самогонварение распоряжения 1944 г. аналогичны документам первых месяцев оккупации, и являются иллюстрацией бессилия немецких властей в этом вопросе [14, л. 1].

Можно привести ряд примеров самогонварения. 23.12.1941 г. начальник Поставского района рассмотрел дело по обвинению шести граждан района в самогонварении, факт которого был обнаружен комендантом полиции д. Василены. У одного из граждан было обнаружено 2 литра самогона, у другого бочонок в 6–7 литров, у остальных – брага, которую они собирались перегнать на самогон. В ходе допроса все лица признали себя виновными, но, пытаясь смягчить наказание, выдвигали следующие аргументы своей противоправной деятельности. Один гражданин заявил, что гнал самогон еще при советской власти, другие утверждали, что гнали не на продажу, а для себя [15, л. 10]. Начальник района передал дело коменданту жандармерии для вынесения окончательного решения, граждане были оштрафованы на 20 марок каждый [15, л. 16].

В качестве иллюстрации использования алкоголя в качестве эквивалента денег интерес представляет протокол допроса сотрудником Ветринской полиции гражданина Владимира Б., 1927 г.р., задержанного с водкой. Допрашиваемый, беженец, уроженец Руднянского района России, на момент допроса (2.02.1944 г.) житель г. Дубровно, показал, что существовал за счет торговли водкой и провел примеры этого. По его словам, за водку можно было достать все, но, в основном, меняет водку на соль, бывшую в период оккупации исключительно дефицитным товаром. Например, в магазине ЦТО он поменял литр водки на 4 кг. соли, причем продавщица магазина заверила его, что водки им потребуется много, «сколько привезете, столько и возьмем». В результате, после первого удачного опыта сбыта товара, обвиняемый выгнал в деревне 5 литров самогон и еще 9,5 литров взял в долг у крестьян [16, л. 67].

13.10.1943 г. бойцы Службы порядка обнаружили в квартире гражданки А. Анны факт самогонварения. Из составленного полицейскими акта следовало, что в 21.00 они обнаружили свет в доме обвиняемой, которая

впустила полицию только после 20 мин. их требований. В доме был обнаружен самогонный аппарат и 2,5 ведра браги. В ходе следствия было установлено, что гражданка А., уроженка Локотского района, неграмотная, мать двоих бойцов РОНА Каминского. Обвиняемая утверждала, что не знакома с распоряжением обер-бургомистра Каминского о запрете самогонварения, и изготавливала самогонно в первый раз. Лепельский окружной суд, принимая во внимание раскаянье обвиняемой, приговорил ее к штрафу в 500 руб. [17, л. 2–13].

Подозрение в самогонварении ложилось на человека даже в случае обнаружения у него предметов, которые могли быть использованы в самогонном аппарате. Например, в результате проведенного 8.02.1943 г. на одном из хуторов Москаленятской волости Городокского района хозяин был обвинен в самогонварении. Полицейский изъял у него металлическую трубку, которую посчитал змеевиком самогонного аппарата. Обвиняемый гражданин П. заявил, что трубка использовалась для нагрева воды в бане, самогон им никогда не изготавливался [18, л. 34–37].

Бывали случаи, когда сотрудники местной администрации и полиции не только не препятствовали, но и сами способствовали производству самогона. 3.07.1943 г. начальник службы порядка Оршанского района требовал начальник полиции Бараньской волости уволить со службы и наложить административное взыскание на полицейских, за не принятие мер против самогонварения [19, л. 5]. Начальник полиции Ветринского района 7.12.1943 г. обязал подчиненных командиров проинструктировать полицейских, что самогонварение запрещено и для гражданского населения, и для сотрудников полиции, хотя, вопреки запрету, продолжается. Виновным грозило наказание от 1–1,5 года принудительных работ в лагере до расстрела [16, л. 9].

Упомянутый выше начальник полиции застал на месте преступления двух граждан, собиравшихся гнать самогон. Комендант полиции заставил их завершить самогонварение (получилось 18 бутылок), после чего пробыл у крестьян два дня, выпил часть самогона и уехал, забрав с собой оставшийся самогон [15, л. 1,2] Виновные граждане объяснили факт самогонварения тем, что хотели отпраздновать освящение деревенской церкви [20, л. 1об.]. В ходе разбирательства выяснилось, что комендант полиции сдал только 10 бутылок конфискованного самогона, в результате чего начальник Поставского района оштрафовал и самогонщиков, и самого коменданта полиции [15, л. 14].

Оккупационными властями каралось пьянство и появление в общественных местах в нетрезвом виде. Так, осенью 1941 г. в «Перечне проступков и взысканий по ним» (Кормянский район), отмечалось, что за появление на улице в пьяном виде полагался штраф до 1000 руб. или арест до 14 суток [13, л. 1]. В распоряжении старшины Койдановской районной управы от 27.03.1943 г. констатировался рост пьянства и самогонварения,

за что обещалось абстрактно сформулированное наказание «по законам военного времени» [21, л. 114]. 4.08.1941 г. жительница г. Витебска гражданка А. была подвергнута аресту за пьянство на 24 часа [22, л. 162].

Спекуляция алкогольной продукцией была обыденной практикой для многих торговцев «черного рынка». Периодически власти пытались пресечь незаконные действия. 24.10.1941 г. Полевая комендатура г. Витебска приговорила трех жителей города, в том числе китайца, к различным срокам тюремного заключения (от 1 недели до 2-х месяцев) за продажу спирта и самогона на рынке по спекулятивным ценам. Один из обвиняемых, гражданин П., сам изготавливал продаваемый самогон [23, л. 168].

Под влиянием алкоголя нередко совершались преступления, причем с участием все тех же представителей вспомогательной администрации. 27.02.1944 г. произошел конфликт в дер. Домачино Веровойшанской волости, куда на свадьбу прибыли бургомистр Туминической волости Оршанского района Иван З. и начальник волостной полиции Василий Д. В нетрезвом виде они завязали драку с другими гостями, и начальник полиции бросил гранату, ранив двух человек, при попытке к бегству получил ранение от выстрела немецкого солдата [24, л. 52].

В ноябре 1941 г. комендантом полевой комендатуры Борисова был приговорен к 3 месяцам тюремного заключения полицейский Степан Г. за проведение несанкционированного обыска (в пьяном виде) в квартире жительницы Борисова и произведение при этом стрельбы. Как отмечалось в постановлении коменданта, ранее полицейский уже имел предупреждения из-за пьянства. После отбытия срока наказания полицейский увольнялся со службы [25, л. 8].

В столовых и закусочным в первый период оккупации разрешалась торговля спиртным, но, впоследствии, продажа алкоголя была запрещена. Например, в г. Орша соответствующее распоряжение было опубликовано в газете «Новый путь» от 21.11.1942 г., но не законная продажа алкоголя имела место. В результате городское управление произвело проверку всех столовых, закусочных и рынка г. Орша на предмет нарушения запрета торговли спиртным [26, л. 23]. Результаты проверки осени 1942 г. не известны, однако имеются сведения о самогоноварении в Орше в апреле 1944 г. В результате проверки ресторана на базарной площади в подвальном помещении было обнаружено производство самогона. Очевидно, производство было масштабным, одной только браги было обнаружено 180 л., резервуары для продукции объемом в сотни литров [27, л. 19–20]. Помимо масштабов, обращает внимание грамотное расположение производства и дерзость самогонщиков: с центре города, в месте скопления народа (что могло как раз долгое время позволять избегать разоблачения, кто станет искать в таком людном месте), на рынке, где продукт явно и сбывался.

Не санкционированная торговля спиртным происходила и в других городах. Приказом по Шкловскому городскому управлению от 14.08.1942 г. запрещалась торговля самогоном в городской столовой, а также гражданам приносить и распивать спиртное в столовой. За неподчинение обещалась конфискация имущества [28].

Опьянение могло привести к самым неожиданным последствиям. Помимо участия в хулиганских выходках, драках и т.д., опьянение могло способствовать произнесению опасных речей, придавая бытовым нарушениям политическую окраску. Витебская комендатура рассматривала дело по обвинению шофера немецкого учреждения Кондратия П. в пьяном дебоше. Уроженец России гражданин П. осенью 1941 г. попал в плен под Вязьмой, работал поваром в рабочем лагере, потом был назначен шофером. Как было отмечено в отчете о допросе, до сих пор П. вел себя хорошо, его поведения не вызывало нареканий у немцев. До определенного момента. Напившись со своим знакомым на базаре, П. был арестован и посажен в камеру, где он начал стучать в дверь, обещал немцам, что отомстит, когда будет свободен, уйдет в партизаны. Обвиняемый не отрицал возможности такого поведения, но заявил, что ничего не помнит, что в пьяном виде бывает возбужден, что сказанное не соответствует его политическим убеждениям и он всегда был «против России». Классический случай, охарактеризованный народной поговоркой: «Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке». П., понимая серьезность грозящего наказания, добровольно попросился на работу в Германию. Дело было передано в СД [29, л. 241].

Таким образом, не смотря на запреты и угрозы сурового наказания со стороны немецкой оккупационной и коллаборационной администрации, а нередко и при попустительстве со стороны последней, самогоноварения на территории оккупированной Беларуси имело значительные масштабы. Причиной самогоноварения являлось практически недоступность алкогольной продукции в коммерческой торговле, полное отсутствие выдачи по карточкам, а также тот факт, что спиртное играло роль денежного эквивалента в условиях обесценивания бывших в обращении денежных знаков и тотального недоверия к ним со стороны гражданского населения.

1. Государственный архив Минской области, ф.4229, оп.1, д.3
2. Государственный архив Минской области, ф.1539, оп.1, д.1
3. Государственный архив Минской области, ф.1539, оп.1, д.3
4. Государственный архив Минской области, ф.1538, оп.1, д.52
5. Государственный архив Минской области, ф.1549, оп.1, д.22
6. Государственный архив Витебской области, ф.2086, оп.1, д.10
7. Государственный архив Могилевской области, ф.261, оп.1, д.15
8. Государственный архив Минской области, ф.1549, оп.1, д.19
9. Государственный архив Витебской области, ф.2150, оп.1, д.6
10. Государственный архив Витебской области, ф.2134, оп.1, д.16
11. Государственный архив Минской области, ф.1039, оп.1, д.81
12. Государственный архив Могилевской области, ф.845, оп.1, д.9

13. Государственный архив Гомельской области, ф.1344, оп.1, д.3
14. Государственный архив Минской области, ф.1604, оп.2, д.4
15. Государственный архив Витебской области, ф.2843, оп.1, д.19
16. Государственный архив Витебской области, ф.2830, оп.1, д.1
17. Государственный архив Витебской области, ф.2091, оп.1, д.20
18. Государственный архив Витебской области, ф.2084, оп.1, д.1
19. Государственный архив Витебской области, ф.2092, оп.1, д.41
20. Государственный архив Витебской области, ф.2843, оп.1, д.17
21. Государственный архив Минской области, ф.681, оп.1, д.4
22. Государственный архив Витебской области, ф.2155, оп.1, д.4
23. Государственный архив Витебской области, ф.2155, оп.1, д.5
24. Государственный архив Витебской области, ф.2074, оп.2, д.2
25. Государственный архив Минской области, ф.635, оп.1, д.2
26. Государственный архив Витебской области, ф.2074, оп.3, д.18
27. Государственный архив Витебской области, ф.2113, оп.1, д.1
28. Государственный архив Могилевской области, ф.305, оп.1, д.20
29. Государственный архив Витебской области, ф.2116, оп.1, д.1

Нікалаева І.У.

ЖАНЧЫНЫ БЕЛАРУСІ ВА ЁМОВАХ ГЕРМАНСКАГА АКУПАЦЫЙНАГА РЭЖЫМУ 1941-1944 гг.: СТРАТЭГІІ ВЫЖЫВАННЯ

Прынцыповыя змены, якія намецiліся апошнім часам у асэнсаванні гісторыі Вялікай Айчыннай вайны, паставілі ў цэнтр гістарычных даследаванняў не столькі пытанні ваеннай гісторыі, колькі гісторыі “чалавека на вайне”. У кантэксце новай навуковай парадыгмы айчынныя навукоўцы найбольшую ўвагу пачалі надаваць гісторыі паўсядзённага жыцця беларускага грамадства ва ўмовах германскай акупацыі, перш за ўсё праблемам асабістага выжывання чалавека на акупаванай тэрыторыі Беларусі. Гэта абумовіла неабходнасць асэнсавання гісторыі мінулай вайны з пазіцыі вопыту разнастайных сацыяльна-дэмаграфічных груп, у тым ліку жанчын.

Вайна карэнным чынам змяніла статус беларускіх жанчын, унесла ў іх жыццё неабходнасць пошуку шляхоў адаптацыі, выбару індывідуальных спосабаў процідзеяння прававому і адміністрацыйнаму ўціску, што зведала любая жанчына на акупаванай тэрыторыі, стаўшы заложніцай абставін. Вывучэнне становішча жанчын і мадэляў іх паводзін ва ўмовах трохгадовага панавання акупацыйнага рэжыму паказвае на існаванне з аднаго боку – рашучага супраціўлення, а з другога – зацікаўленага супрацоўніцтва. У той жа час, фактам існавання асноўнай часткі мясцовага жаночага насельніцтва акупаваных тэрыторый стала ўцягванне ў сферу сумеснай дзейнасці з прадстаўнікамі нямецкай акупацыйнай улады на ўзроўні будзённых кантактаў, скіраваных на тое, каб любым чынам выжыць, выратаваць сябе і сваіх дзяцей у наскладайнешых умовах акупацыі. Пошук сродкаў існавання